

Пик совершенства находится в золотой середине

Они появились в городе неожиданно и ниоткуда — молодые, красивые, загадочные — и сразу стали объектом всеобщего внимания. В первые же недели посетили самых интересных, важных и влиятельных людей, отцов местной богемы, их запомнили и приглашали приходить еще. Многим не довелось еще познакомиться с ними лично и оставалось только внимать слухам о появлении в городе каких-то особых людей. За короткое время я услышала множество слов, которыми их называли: «просветленные», «шарлатаны», «колдуны», «святые», «маги», «ведьмаки», «обманщики», но почему-то весь этот ажиотаж относительно мало меня взволновал. Видимо, для подобных страстей я была слишком мала — мне было четырнадцать лет.

Вскоре мы познакомилась: они поселились по соседству, часто нас навещали и появлялись в домах, где мы тоже бывали. Беседуя с ними, я пыталась понять, что же будоражит умы всех друзей и знакомых.

Мое общение с Аней и Олегом складывалось довольно гармонично. Тем не менее хорошо с ними было всем, и каждому казалось, что его связывают с ребятами особые отношения, хотя те не пытались вызвать это ощущение искусственно и ни под кого не подстраивались. Они были весьма разносторонними личностями, со множеством интересов и знаний, поэтому самым разным людям было нетрудно найти с ними точки соприкосновения и темы для разговоров.

Я больше общалась с Аней, которая любила шить, мастерить всякие штучки из бусинок, цветных ниток и обрезков ткани и рисовать открытки. Несколько раз она удивлялась моим «мелочным складам», где скопилось все, с чем было жаль расставаться. Заметив Анин восторг, я подарила ей

несколько жестяных банок, набитых бисером, стеклянными бусинками, кусочками кожи и обрезками меха. Через пару дней она принесла мне в подарок очень красивую самодельную сумку сложной конструкции, разглядывая которую я вдруг поняла, что она сделана из содержимого моих банок.

Позже я заметила, что похожие милые мелочи Аня делает для друзей постоянно. Получив в подарок предмет, попавший в разряд ненужных, она возвращала его бывшим хозяевам в новом виде, и вещь эта долго еще их радовала. Действуя таким образом, Аня не только преподносила людям приятные сюрпризы, она открывала им глаза на скрытые и очень полезные стороны некоторых вещей.

Несколько лет подряд мы ходили друг к другу в гости, обменивались красивыми безделушками, вместе пекли торты, болтая обо всем на свете, и я все отчетливее понимала, что в этих людях действительно было нечто особенное. В большей степени это касалось Ани: я не могла точно сказать, в чем было дело, но она отличалась от всех, кого я знала.

Помимо прочих исключительных качеств Аня обладала уникальной чертой: она все делала безупречно. По крайней мере так казалось окружающим. У нее ничего не валилось из рук, она не забывала важных вещей, не суежилась по мелочам, не выдумывала глупостей. Всего было достаточно, все было вовремя, к месту и точно так, как надо. Казалось, она успевает все. Я всегда думала, что если способность безупречно справляться со всем на свете существует, то человеку, овладевшему ею, жизнь станет не мила, он будет сильно уставать и крайне редко расслабляться. Аня же вовсе не была похожа на загнанного и обремененного трудами человека. Я часто наблюдала, как она отдыхает, гуляет, болтает с друзьями.

Пытаясь понять, как все это ей удается, я неожиданно заметила, что ее безупречность вовсе не выражается в том, что она все делает наилучшим способом и по максимуму. Часто она делала вещи даже гораздо «хуже», проще, грубее, чем могла, обосновывая это тем, что в данной ситуации большего никому не нужно. В самом деле, как правило, обстоятельства не требовали создания шедевров, иногда сроки были важнее качества, или сам факт наличия чего-то в нужный момент уже разрешал все проблемы. От Ани окружающие получали не меньше, чем им было нужно, а зачастую и больше. Иногда она превосходила любые ожидания, удивляя

всех приятным сюрпризом. И у людей никогда не возникало ощущения, будто их чем-то обделили, — того, что она делала, всегда было по крайней мере вполне достаточно.

Я поняла, что человек, делающий все безупречно, выбирает не максимум, а золотую середину. Мастерство состоит в том, чтобы правильно решить, что в каждом отдельном случае является достаточным. Чтобы сделать незначительные мелочи не лучше и не хуже, чем надо. А сэкономленные силы потратить на важные вещи, выполнив их настолько хорошо, насколько это вообще возможно.

В изобразительном искусстве и дизайне это правило работает точно так же. С одним отличием: сделать хуже нельзя. Намалеванный «левой ногой» рисунок, поспешно закрасенный фон, недоработанную картинку или сваленную в кучу композицию обязательно заметят, и работа будет оценена как плохая, сколько бы ни пел дизайнер о новомодных идеях и концепциях, более важных, чем исполнение.

Многого можно добиться малыми средствами. Покрыв несколько квадратных метров микроскопическими штрихами, каждый художник однажды заметит, что множество точек, поставленных на рисунке свернутой из бумажки палочкой, выглядят не хуже, а времени это занимает в десять раз меньше. Конечно, нарисовать миниатюру, поражающую воображение своей филигранностью, гораздо приятнее, и каждому когда-либо захочется сделать работу, о которой коллеги скажут: «Не верится, что у кого-то может хватить на такое терпения».

Умение возиться с мелочами, не жалея сил и времени, всегда очень похвально. Но иной раз стоит подумать, не лучше ли вырезать фигурку для плаката из цветной бумаги и потом целый вечер украшать ее деталями, вместо того чтобы провести всю ночь в попытках ровно залить краской одно пятно и не успеть ничего, кроме этого.

О том, как надо работать

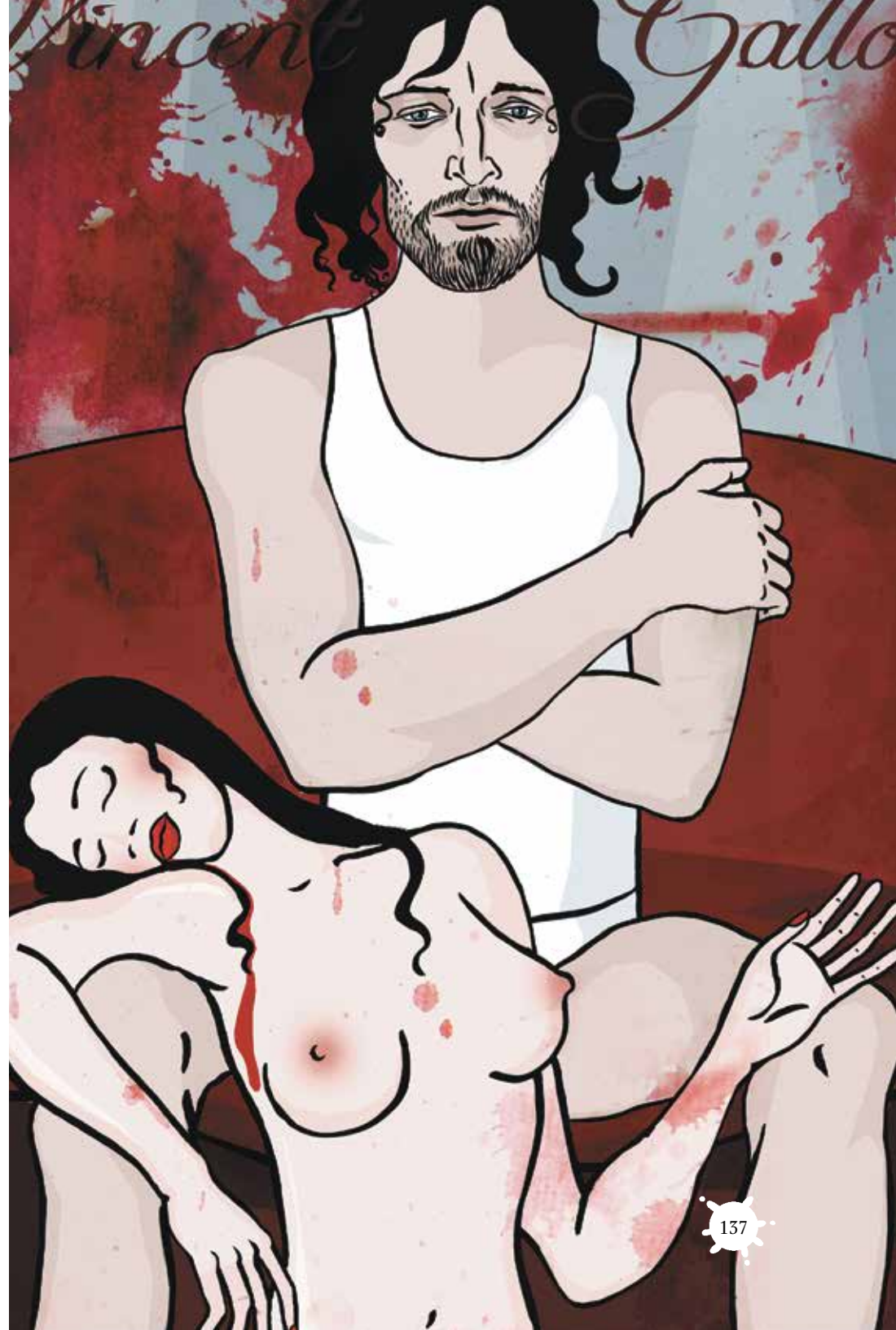
Недавно мы совершили героический поступок: вытащили с антресолей неподъемную папку со старыми картинками и рисунками. Груда воспоминаний из прошлой жизни — мои студенческие работы и иллюстрации знакомых художников, нарисованные для детского журнала, где мама работала худредом. На обратной стороне многих картинок — пометки, свидетельствующие о том, что они побывали в типографии: числа, проценты, увеличение-уменьшение, «номер такой-то», «обложка», «разворот»...

Тогда это были просто картинки, сделанные для детского журнала. Некоторые нарисованы за ночь, чтобы заработать на бутылку. Другие пропихнуты в советский журнал «ради эксперимента», чтобы можно было потом всей командой радоваться: «Прошло! Напечатали картинку в детском журнале! Не заметили, что в речке шприц!»

Среди прочих нашлась работа художника Миши, которую я сохранила на вечную память. Потому что на ее примере я впервые в жизни что-то поняла о том, как надо работать.

Художник Миша был странным созданием. Он путешествовал по всей стране и везде, где останавливался, немедленно начинал работать иллюстратором. Этим и жил. Картинки ему давали делать всегда и повсюду. Потому что он обладал двумя фантастическими качествами: во-первых, мог нарисовать что угодно в любом стиле, а во-вторых, никогда никого не подводил и всегда брал работу, независимо от того, сколько на нее давали времени, будь то плакат за ночь или разворот к обеду.

За это ему прощались некоторые особенности его характера. А характер у него был очень необычный!

В свободное от работы время Миша пробовал на себе все, что можно, и делал своими руками все на свете. Он гнал из самых неожиданных субстанций (от гуталина до таблеток) самые немыслимые вещества, ел и пил их, колол в вены и мазал на лоб, чтобы посмотреть, что получится. С этой же целью он покрыл себя наколками во всех местах, до которых хоть как-то мог дотянуться. Он делал из подручных материалов все — от кукол до причудливых музыкальных инструментов. При этом проявлял невероятную изобретательность: замачивал линейки в соляных ваннах, травил какие-то пластинки из экзотических металлов кислотами или пропитывал воском и масляной краской брезент и обдирал его потом деревяшками, пока он не становился похож на замшу.

Все это наложило отпечаток и на его внешний вид. Миша был странным типом, которого периодически передегергивал нервный тик, он мало говорил, а иногда часами играл на самодельных инструментах, издававших нестандартные звуки. Юмор его был не менее странен. Порой он просыпался утром весь в синяках и совершенно не помнил, что было ночью...

Однажды мои родители решили надолго уехать и уже в дверях, в последнюю секунду, оглянувшись на квартиру, полную первокурсников-художников, решили, что хорошо бы за ними присмотреть. И поручили это ответственное дело Мише.

Миша обрадовался, ему нравилось караулить наш дом, потому что там было много интересных вещей, вроде офортного станка, с которым он любил поиграть.

Он пришел в первый же день вечером и сообщил, что будет нас сторожить. Мы собирались не спать и готовиться к выставке. На словах это означало, что всю ночь мы будем творить и вершить великие дела. На практике же — валять дурака до утра.

Миша уселся в уголке, свернул косяк и выкурил его сам, делиться с детьми не стал, буркнув что-то вроде: «Я же вас караулить пришел, брысь отсюда!» Потом он разгреб на покрытом метровым культурным слоем столе местечко, где едва умещался альбомный лист. Вытащил из своей сеточки слегка серую бумажку, коробку школьных цветных карандашей и ленинградскую акварель. И начал работать. Скривившись на неудобном стуле, опершись одним локтем на краешек стола.

Всю ночь Миша просидел в своем уголке, не поднимая головы. За его спиной веселился народ, орала музыка, падали стулья и люди. Над ним проносились мухи с приклеенными к спине перышками из подушки, в сантиметрах от него слетали с верхних полок книги, через его руку, наступая на работу, перешагивали мои кошки. Но Миша не реагировал ни на что.

Под утро мы устали. Извели довольно много бумаги. Не нарисовали ничего дельного и даже испортили несколько давно начатых плакатов, потому что не могли сосредоточиться и что-то покрасили криво. Нас окружал ужасный беспорядок, по всей комнате была разбросана грязная посуда, палитры, бумажки, ножницы...

А Миша к пяти утра встал, аккуратно положил в сеточку свою бумажку и тихо сказал: «Ну, я пойду посплю, мне к обеду картинку сдавать».

Тут мы решили поинтересоваться: «Ты что-то там нарисовал вообще? А покажи?»

И Миша достал из своей сеточки картинку и положил ее на диван.

Нам стало стыдно. А также понятно, что на самом деле означает «рисовать всю ночь».

Картинка эта теперь висит у меня на стене. На вечную память о первом уроке жизни, благодаря которому до меня дошло, как надо работать.

Звезда и смерть креатив-директора

Хенрик был обычным, в меру замученным арт-директором, перебравшим почти все большие компании в городе. После шестого места работы особо привлекательных для него вариантов не осталось, и он начал понимать, что перемены теперь возможны только к худшему. В последней (нашей) фирме он трудился уже третий год, тонул в рутине, изнывал над скучными заказами и мечтал о повышении по службе, но никто не считал его работы выдающимися, и карьера не продвигалась.

Однажды он сидел в офисе темной ночью и горевал: на столе лежало срочное задание, к завтрашнему утру нужно было писать концепт. Всю неделю он откладывал дело на потом, так как всякий раз подворачивалось что-то более интересное, теперь же до сдачи оставалось каких-то десять часов, и в голову ничего не приходило. Хенрик вышел покурить на лестницу, где встретил админа с нижнего этажа. Тот, выслушав трагическую историю, отсыпал собрату по несчастью кокаина. Окрыленный наркотиком, Хенрик за два часа написал потрясающий концепт, потом завершил несколько незаконченных проектов. Начальство было в восторге от новых идей и хорошо сделанной работы и завалило Хенрика свежими заказами, а он, боясь разочаровать публику, продолжал ежедневно нюхать кокаин и вдохновляться с помощью ЛСД.

Через два месяца, когда админ-спаситель был уволен за употребление наркотиков на рабочем месте, а Хенрика повысили в должности до креатив-директора, его уже преследовал звук в ушах, он начал видеть и слышать то, чего нет, и понял, что вскоре спятит, если не расстанется с отравой немедленно. Он собрался с силами, купил в аптеке побольше

препаратов, облегчающих страдания, и «завязал с наркотой». Естественно, начал болеть и погрузился в депрессию, а начальству сказал, что у него грипп.

И тут ему дали первый по-настоящему большой заказ. Появления клиента ждали, затаив дыхание. Ходили слухи, что он хочет веб-портал стоимостью в шесть миллионов, что он сумасшедший, эксцентричный, избалованный бизнесмен. Он павлином прошел по коридору в конференц-зал, сопровождаемый прекрасной ассистенткой в черных шелках. Затем он поведал о желании получить не просто портал, а предмет современного искусства — дерзкий, необычный, вызывающий, уникальный в своем роде. Он требовал рассмотреть все самое лучшее и экстравагантное, что придумали в последнее время молодые дизайнеры, и сделать еще лучше, оригинальнее и смелее. Хенрик слушал его с отсутствующим видом, заливаясь слезами и шмыгая носом, а после переговоров уполз домой и улегся в постель на неделю.

Очнувшись он вечером накануне следующей встречи с заказчиком, с пустыми руками и без единой идеи. Чтобы показать людям хоть что-то, он сел перебирать самые лучшие сайты молодых дизайнеров и слепил за вечер десяток образцов, собрав в каждом из них наиболее удачные находки из чужих (хорошо известных в сети) шедевров. Получился коллаж, но Хенрика это не смущало: он решил сказать, что это сборник идей, размышления в картинках, что он все объединит и соберет потом в процессе работы, а сейчас хочет продемонстрировать разные спецэффекты, которыми можно развлечь пользователя. Но он совершил роковую ошибку.

Заказчик, не интересовавшийся проектами молодых веб-дизайнеров и потому не узнавший всех известных страниц, влюбился в произведение Хенрика и сказал, что менять ничего не нужно, потребовал немедленно приступить к работе и делать страничку точно по первому эскизу. Он слышать ничего не хотел об «окончательных вариантах» и не мог понять, почему Хенрик не рад — не часто ведь работу дизайнера принимают с первого раза.

В последующие месяцы Хенрик отчаянно пытался заменить ворованные элементы похожими своими, но ничего не выходило — клиент замечал изменения и требовал вернуть назад первый, более удачный вариант. Дизайнеры, прекрасно знавшие все странички, послужившие материалом для компиляции, молча делали свою работу и с ужасом ждали

финала. «Когда сервер будет готов, это будет гром среди ясного неба, — радовался заказчик. — Мы поразим мир веб-дизайна, о нас будут писать все газеты!» А дизайнеры шептались: «Да, знал бы ты, что о тебе будут писать в этих газетах».

До сдачи оставалось три недели, Хенрика охватила паника. Одним прекрасным утром он ворвался в администраторскую с криками: он каялся, что открыл файл с вирусом, присланный другом по электронной почте, и тот сожрал все, что было в поле его досягаемости за считанные минуты, включая содержимое рабочего сервера, с которым Хенрик, как на грех, был соединен. На сервере действительно погибли все документы, связанные с проектом, копий у дизайнеров не осталось, потому что хранить готовые картинки на персональных компьютерах было запрещено. Коллеги, понимавшие, что происходит, промолчали, дружно заподозрив Хенрика в саботаже. К сожалению, у заказчика нашелся архив всех файлов двухмесячной давности. Сдачу отложили на два месяца. Дальше проект ожидали многочисленные несчастья. Ломались компьютеры, пропадали труды целых недель, рассылались сообщения с ошибкой, на основании которых дизайнеры неправильно заменяли кучи кнопок или переписывали ненужные документы на место нужных. Проект затягивался, у клиента пришлось выпросить дополнительные два месяца, потом еще три, а через полгода фирма предъявила ему счет за работу нескольких десятков дизайнеров,

менеджеров и программистов. Увидев в счете лишний миллион, заказчик обиделся и платить отказался.

Дальнейшая судьба проекта осталась для исполнителей скрытой. Адвокаты участвующих сторон как-то обо всем договорились, но портал, слепленный из множества ворованных картинок, никогда не увидел свет. Хенрик был с треском уволен за плохую работу и с тех пор ставит музыку на дискотеках.

Зато все дружно выучили урок: показывая эскиз клиенту, будь готов к тому, что он ему может понравиться как есть.

